

Глава 7

ФОРМУЛА ТРИАДЫ

Итак, мы обнаружили четыре принципа интерпретации символов Системы (интерпретирующих множества): «антинорма», «группа (сообщество)», «норма» и «энергия». Мы описывали ситуации, когда вся символика Системы считывается только с помощью конкретного ключа, т. е. актуализируется одно из четырех обнаруженных нами множеств возможных значений. Выяснилось также, что каждому интерпретирующему множеству соответствуют различные социальные структуры. Таким образом, символика Системы, в зависимости от принципа интерпретации, прочитывается как код четырех различных коммуникативных структур.

Суммируем наши наблюдения в виде таблицы соответствий:

Принцип интерпретации символики	Структура межличностных связей
Антинорма	Зона разрежения (граница сообщества)
Группа, сообщество	Ядерные (звездообразные) структуры централизация, вертикальные связи (подчинение)
Норма, ценность	Базовая (в Системе — атомарная) структура
Энергия	Сетевая структура: горизонтальные связи на одном уровне иерархии, вертикальные связи (лидерство) с другими уровнями

Получается, что совокупность значений символов того или иного сообщества предопределяет конфигурацию коммуникативных каналов, по которым эти символы циркулируют. Речь идет именно о всей совокупности возможных значений — о том, что мы определяли как «принцип интерпретации» или «интерпретирующее множество». Но это множество фактически моделирует мир, что допускает и возможность моделирования коммуникативных потоков.

Итак, мы сформулировали тезис о социосемантических соответствиях. Пока он имеет статус гипотезы, основанной отчасти на представлениях самих их участников, отчасти на наших реконструкциях.

В более явном виде эти соответствия можно наблюдать в ритуале, где, с одной стороны, происходит интерпретация символов, с другой — манипуляции с ними (передача, получение, различного рода перемещения) принимают видимую форму, обнажая маркируемую этими символами структуру коммуникаций. В этой связи обратимся к анализу ритуализованных практик, характерных для Системы.

1. Обряды с феньками

Наиболее распространенный в Системе ритуал — дарение феньки. Фенькой может быть названо все, что можно подарить, от бисерного браслетика до шутки или стихотворения. Дарением феньки сопровождается значительная часть сколько-нибудь значимых взаимодействий, которые благодаря этому ритуалу становятся видимыми.

В современных хиповских текстах название «фенька» иногда выводится из английского сленгового слова *think* (произносимое на наших тусовках как *фсанк*). По сообщению человека, подписавшегося в ФИДО-конференции как Александр aka Commander Hell, это слово означает: «1. искаженное *thing, think* — штуковина (англ.); 2. передаваемую программу, объект или кусок данных (*Windows*); 3. фенечку (вроде бы); 4. искаженное *thank* — благодарю (англ.)»¹. Впрочем, это только одна из телег о феньках, возникших, замечу, задолго до *Windows*.

При переходе тусовок в электронную среду (в эхо-конференции ФИДО, например) феньки не потеряли своего значения. «Чего это я без фенек на тусовку пришел? — пишет в эхо-конференцию RU.NIPPIES известный человек Арви Хакер. — Исправляюсь...» И рисует фенечку:

```
o=o=o=onnnn=o=o=nnn=o
o=o=onn=o=onn=onno=o=o  -□-□-□-□-□-□-□-□
o=o=n=o=o=o=+nn=o=o=o  □-□-□-□-□-□-□-□-□
o=o=o=n=o=onn=onno=o=o  -□-□-□-□-□-□-□-□
o=o=o=onnnn=o=o=nnnn=o
```

В качестве свадебного подарка одному из участников на той же эхе в начале 2002 г. прислали такую феньку:

```
-♦-*-♦-*-♥-♦-*-♥-♦-♥-♦-*-♥-♦-*-♥-♦-*-♥-♦-*-♥-♦-*
```

Правда, по словам отправителя, ее нужно сложить в три ряда, лучше перекрутить, но можно вытянуть и в одну нитку.

1.1. ЗНАКИ СВЯЗЕЙ

Значимость фенек в обиходе Системы порождает множество *телег* — легенд об их происхождении. Нам они интересны тем, что фиксируют коммуникативные функции фенек и отчасти их семиотический статус.

По одной легенде, феньки выдумали хиппи: «Все дарят друг другу какие-то шикарные украшения, а мы будем дарить то, что сделаем сами». Подчеркивается отсутствие у фенек материальной ценности и, главное, ее незначимость. На первый план выходит их семиотическая насыщенность: значимы узор и цвет бисера, нитей, материал (особенно ценятся природные: шерсть, дерево, кожа, нарезанные иглы дикобраза, специально собираемые пипл, работающими в зоопарке). Отсутствие материальной ценности фенек подчеркивается и в современных версиях их истории. На одном из посещаемых хиппи форумов в Интернете обнаружилась, например, такая историческая справка о ранних хипповских феньках: «...дцать назад основным исходным материалом был лыжный бисер, который получил такое название, так как изготавливался на том же предприятии, что и лыжи и кое-какие к ним принадлежности. Его особенность произвольно менять цвета или вообще обесцвечиваться после контакта с мыльной водой не очень способствовала определению значения феньки согласно цвету. Ну а когда бисер кончился, поступали так: заливали в тонкую металлическую трубку расплавленную пластмассу, а после остывания — разрезали на более-менее равные кусочки»². По этой причине, как утверждает автор, даже цветовая символизация была поначалу затруднена. Феньки плели просто от души, подчиняясь спонтанному озарению, и лишь позже сложились символические толкования, которые он и приводит.

Другой вариант легенды о происхождении фенек рассказывал Десс (см. гл. 2). По этой легенде, феньки в Систему пришли от индейцев, которые плели, как и сами индейцы, «бисером набранные нитки. И если вождь соседнего племени хотел объединиться с моим племенем, он приносил мне такую нитку — у них письма не было. Это пошло в Систему». Легенда подчеркивает функцию фенек в качестве медиаторов межличностных и межгрупповых связей. Ту же функцию обозначает и третья записанная нами версия происхождения фенек: «Раньше, — рассказывал мне другой *алдовый пипл*, — играли в карты, а денег у хипов не было. Сначала отдавали *прикид*, потом стали плести феньки. И их отдавать». Сначала были связи (играли в карты, необходимость обмена), затем возникли их обозначения, или знаковые медиаторы взаимодействий — феньки. Они сменили материальные

медиаторы — *прикид*. Подарки, угощения — известный в этнографии медиатор взаимодействий, совмещающие утилитарную и знаковую функции. Первую из этих функций феньки утрачивают, оставаясь только знаками связей между подарившим и принявшим дар: «Феньку тебе подарил кто-то... как бы установилась между вами связь... Эта фенька — она вас связывает», — говорил мне один из московских хипов.

Дарение феньки — частный (и наиболее яркий) случай передачи символа, сопровождаемой, как правило, его интерпретацией.

Выше уже описывалась фенечка, появившаяся на сайте RU.HIP-PIES. Она состояла из сердечек и солнышек («поцелуйчиков»), присланная кем-то из участников по случаю свадьбы друга:

Увиденная не только адресатом, но и другими посетителями сайта, фенечка немедленно вызвала интерпретацию: «Глядя на мелькающие сердечки и поцелуйчики. Лирическое: Я в любви тебе признаюсь по емейлу! Опишу как я иметь тебя желаю! И письмо мое поедет лесом-полем, Не закрыто, не шифровано паролем! Мне плевать что на узлах попутных видно! Пусть админам любопытным будет стыдно! Ой как стыдно лезть в чужую переписку! Я б за это отрывал бы им пиписку! Я б за это... извини, отвлекся вроде. Я в любви тебе признаюсь в суперкоде».

Для обычных, материальных фенек, сделанных из цветных ниток и бисера, пожалуй, наиболее разработана цветовая символика. Интерпретации цветов условны и могут сильно различаться, в зависимости от тусовки, ситуации и просто настроения дарителя. Черно-белые феньки часто трактуются как китайский символ гармонии двух начал «инь-ян». У Сольми, насколько я помню, черно-бело-красная фенька обозначала его личный символ — божью коровку. У другого хипа, с которым мы разговаривали на тусовке у кафе «Эльф», желто-синие-красная фенька обозначала «рассвет на Гауе».

Кроме цветовых сочетаний, значим узор феньки, иногда довольно сложный, но чаще простенький (простота отличает настоящие хиповые феньки от украшений, сплетенных на продажу). Из узоров популярны мотивы цветка (напоминание о Революции Цветов хиппи 60-х), радуги, «пацифик», астрологические знаки планет или созвездий.

Мы уже выяснили, что объяснение любого из символических объектов в Системе может строиться с помощью различных ключей. То же относится и к толкованиям цветовой символики фенек, целая коллекция которых собрана в письме, присланном в 1999 г. в одну из эхо-конференций сети ФИДО человеком, подписавшимся Commander Хелл. Некоторые сочетания и узоры интерпретируются как знаки музыкальных групп или фанатских тусовок: бело-голубая фенечка — символ The Beatles и их фанатов, желто-голубая — фанатов БГ («Под не-

бом голубым Есть город золотой»), красно-черная — фанов группы «Агата Кристи», а также анархистов (как и красно-черно-белая), веселая желто-зелено-красная — растаманов, черно-белая — фанов Майкла Жексона (после клипа «Black and White») и «Нирваны» и т. д.

Цветовые сочетания могут прочитываться и в другом ключе, как обозначения характерных для Системы норм и моделей поведения: красно-белая фенька — символ свободной любви, оранжево-коричневая или желто-зелено-коричневая — символы «легких» наркотиков, черно-желтая фенька, считается, вызывает у человека мысли о собственной смерти.

Наконец, встречаются и «энергетические» толкования фенек: цветами мистики и магии считаются черный и фиолетовый, бело-зеленые или бело-фиолетовые феньки считаются символами белой магии, черно-фиолетовые — черной³.

Феньки различаются не только по виду, узору и символике, но и по способам использования. По этому признаку различаются феньки нескольких типов: обменные (предназначенные на обмен), личные (их плетут для себя или определенного человека), дорогие (полученные от дорогого человека — их не передаривают). Способы манипуляции с фенькой эксплицируют изменения межличностной связи, символизируемой фенькой. Поэтому, наблюдая ритуалы с феньками, мы по существу становимся свидетелями точечных трансформаций социальной структуры.

Сопоставим принцип объяснения фенечки и способ манипуляции с ней. Имеются ли между ними соответствия (как это следует из сформулированной выше гипотезы)?

1.2. ОБМЕННЫЕ (СЪЕМНЫЕ) ФЕНЬКИ

Уже упоминавшийся Фагот (прозвище восходит к роману М. Булгакова), придя на тусовку, просит подарить ему феньку, обращаясь сразу ко всем: «Меня замучила цивилизная жизнь. Подарите мне кто-нибудь феньку». Одна девушка ему отвечает: «У меня была такая фенечка — я ее отдала сегодня... Так жалею... У меня вот фенька — она такая фенька, что все говорят: я ее уже где-то видел, у кого-то ее брал... Такая вот фенька».

Для подобных случаев существуют феньки, называемые «обменным фондом». Их плетут не специально для кого-то, а на всякий случай — меняются при знакомстве или дарят случайному встречному. В приведенном примере фенька обозначает не конкретные отношения Фагота и девушки, она скорее должна подтвердить его принадлежность к Системе. Он просит феньку потому, что его «зафачила» цивилизная жизнь. Фенька нужна ему как знак принадлежности к Системе, т. е. актуально ее значение в качестве группового символа (второй из зафиксированных нами принципов истолкования: «за символом — группа»).

Более подробной интерпретации не требуется и не дается. «Многие просто носят на себе феньки, чтобы показать, какой ты крутой».

Правила обращения с феньками регулируются обычаем и представлениями мистического порядка. Фагот подчеркивает, что данная фенька часто переходит из рук в руки, передаривается: «Она такая фенька, что все говорят: я ее уже где-то видел, у кого-то ее брал...» Обменная функция фенек отражается в их конструкции: браслетики и шейные украшения делаются съёмными, с завязками, на резинках, — чтобы в любой момент легко было их передарить. Обменные феньки не имеют сложного истолкования, зачастую их вешают просто для количества, в знак принадлежности к Системе или одной из ее тусовок. Если такая фенька порвалась, ее нельзя воссоздавать. Считается, что часто передариваемые феньки рвутся, потому что «не выдерживают уже всех наслоений, пожеланий»: каждый раз, когда их дарят, высказывают какое-либо пожелание, и если их накопилось слишком много, то фенька теряет силу. Восстанавливать ее бесполезно — она уже не способна ничего передать.

Таким образом, съёмные феньки обозначают безличные тусовочные отношения, сам факт принадлежности к общности. Эти отношения эфемерны — разорванную связь не стоит воссоздавать.

1.3. ЛИЧНЫЕ ФЕНЬКИ

Некоторые феньки плетутся специально для конкретного человека и воспринимаются им как личный символ, талисман и оберег. Они получают более глубокую интерпретацию, чем те, что из обменного фонда: «У меня была фенечка в свое время, „инь-янчик“ называлась, — рассказывал мне старый хиппи. — Это символ мировой гармонии: человек и человек, человек и природа — общаются без насилия...» Это была фенечка из черного бисера, дальше шла радуга из цветных бисеринок. Автор и обладатель заложил в нее символику ненасилия, гармонии, доброты, радугой сверкающих в темноте мира — обычный хипповский набор. В данном случае актуальным оказалось «нормативное» толкование (принцип интерпретации: «за символом — норма»).

Правила обращения с личными феньками соответствуют атомарной структуре отношений, предполагающей относительную автономию личности. Такие феньки чаще всего делают для себя сами и сами же интерпретируют, они становятся инструментом самопрограммирования, самоидентификации с нормами и ценностями сообщества. Это происходит постольку, поскольку человек идентифицируется со своим личным символом, видя за ним нормативный комплекс сообщества.

Личные феньки не обозначают межличностной связи, а только принадлежность к тусовке или, точнее, готовность разделять ее нормы. Сам же ее обладатель остается автономным.

Иногда личную феньку получают в подарок, но интерпретирует ее не столько даритель, сколько получатель, постепенно «понимая» ее смысл.

Конфигурацию коммуникаций личная фенька не меняет, являясь скорее средством автокоммуникации. Однажды *волосатому* по прозвищу Фауст подарили кусочек керамики с неясным узором — то ли кирпичики, то ли трещины на глазури. Он повесил фенечку на шею. «Я спросил, — рассказывал он потом мне, — что она значит, а она (девушка, которая подарила. — Т. Ш.) сказала: — Каждый понимает по-своему». Ко времени нашей встречи Фауст мог долго говорить про эту феньку: если посмотреть с одной стороны, то можно увидеть «дом, в который я никогда не войду» (вечный странник), а с другой видна «стена, на которой меня будут распинать». Очевидны характерные для Системы мотивы странничества, ухода из дому, распятия («Христос был первым хиппи»).

Подобные феньки не считаются средством передачи сигнала от одного человека к другому — через них осуществляется автокоммуникация: сигнал идет от себя к себе. Даритель не претендует на право интерпретации. Такое обращение с феньками хорошо иллюстрирует специфику атомарной структуры, с присущей ей автономией каждого человека. В Ротонде написано: «Смысл у каждого свой, и понять его должен ты сам».

Иногда личными становятся феньки, полученные в результате взаимообмена. Их не нужно путать с феньками обменного фонда, которые просто раздаются и личными символами не становятся, а потому спокойно передаются другим. Обмен же личными феньками (ср.: армейский обычай «махнем не глядя») обычно связан с ситуацией общего дела и совершается в память ситуативного, но достаточно значимого для его участников взаимодействия, временной, но личностно окрашенной связи.

Например, обмениваются феньками попутчики на *трассе*. «Приезжаем на место, доходим вместе до тусовки, там разбредаемся. Пытаемся вместе вписаться, если получится... При отъезде обратно, если один уже едет, а другой остается, то дарят... феньки. Или по завершении трассы (если вместе возвращаются)... Иногда посреди дороги: „Слушай, подари это“, — и дарят. А тот говорит: „И ты мне что-нибудь подари“». Обмен феньками выражает принцип равенства и взаимности в атомарной структуре.

Характерна связь обмена феньками с общим делом, причем типично Системным: путешествием по *трассе*, подготовкой *сейшна*, совместной медитацией или занятиями живописью. Десс рассказывал: «Был такой Менестрель — он сочинял баллады на астральные темы... Мы с ним устроили совместный сейшн: там было двадцать два моих стихотворения и девятнадцать его песен... Это ему я сплел ту феньку... в период подготовки этого сейшна: феньку, которую прямо при нем

набрал. Причем я набрал ее не по системе, а как бы от фонаря. И это наибольшим образом соответствует моей сущности и моим пожеланиям этому человеку». Фенечка фиксирует связь, возникшую между Дессом и Менестрелем, когда они готовили *сейши*. Связь личная, но временная, ситуативная, — такие и образуются в рамках атомарной структуры: человек сохраняет автономию, не включаясь в постоянные формирования. Связи возникают, но только на время конкретных совместных предприятий.

Личные феньки часто делаются несъемными. Из мистических правил обращения с подобными феньками характерен запрет восстанавливать их, если порвались, что связывают с ситуативным характером межличностных связей: «Если порвалась, — объясняли мне, — это значит, что она уже свою функцию выполнила, — помогла выполнить определенное дело, и все». Фенька имеет силу (читай: значение), пока длится связь между людьми, а связь длится, пока они делают общее дело.

Итак, мы рассмотрели манипуляции с феньками, кодируемые по принципу «нормы». Феньки эти смысловые, но невосстановимые, кодируются нередко самим обладателем (получателем), а иногда им самим и делаются. Если дарятся, то взаимно, в порядке обмена, чаще всего в связи с общим делом, по окончании которого утрачивают силу. Обращение с личными феньками обнажает определенный тип связей, которые характеризуются как горизонтальные (основанные на принципах равенства и взаимности), ситуативные (актуальные во время общего дела, причем речь идет о специфически Системных формах взаимодействия), лично окрашенные, но непродолжительные. Данный тип отношений лежит в основе атомарной структуры, характерной для среднего слоя Системы. Следовательно, ритуальные манипуляции с «личными» феньками опосредуют функционирование атомарных структур.

1.4. ВЕЧНЫЕ ФЕНЬКИ (РИТУАЛ БРАТАНИЯ)

Еще один ритуал заключения межличностной связи в Системе — «братание». Структурно он повторяет обмен феньками, только место фенек занимают *покоцанные* вены и кровь. «Вот у меня, — рассказывал Сольми, — есть Системные братья. Надрезается где-то кожа на руке — просто чтобы капелька крови показалась. Это индейские расклады, но они бытуют в Системе. Вот Чига мой брат. Были знакомы с ним пять дней. Из Москвы приехали в Питер, зависли на флэту, и я нарисовал портрет Джона Леннона, и у меня круто получилось... Чига тоже Лев по гороскопу (как и сам Сольми. — Т. Ш.)... В это время он тоже рисовал. И он пришел и говорит: „Да, круто получилось“. И мы оба въехали, и ты чувствуешь, что буквально родственная душа. И в Питере мы зависли на флэту и побратались. И еще он молитву какую-то прочитал, по-мо-

ему, „Отче наш“. Еще налили в стакан воды, покапали крови, потом отпили... Ведь есть родственники по крови, а есть по духу, это самая крутая связь... Он понимает тебя лучше, чем ты сам себя понимаешь» (1987).

Заключаемые таким образом связи демонстрируют астральное, энергетическое или духовное братство, т. е. в интерпретации включаются «энергетические» мотивы. Следы надразов на руке остаются на всю жизнь, как и обозначаемые ими «братские» отношения. Астральное братство предполагает обязательство помогать друг другу и выручать в трудных ситуациях до конца жизни. У Сольми на предплечье целый строй шрамов — горизонтальные полосы, похожие на феньки: не просто несъемные, а «вечные».

Связь астральных братьев глубоко личная. В ее основе не потребность в минутной поддержке и даже не единичное общее дело, а сознание настоящей духовной близости. Сольми и Чига независимо, но одновременно рисовали Дж. Леннона и, обнаружив это, почувствовали, что «другой понимает тебя лучше, чем ты сам себя понимаешь».

Ритуал строится по принципу взаимности; соответственно, связи — по принципу равенства. У Сольми, как и у Дикобраза, следы больше чем десятка подобных ритуалов — значит, у него столько же «братьев» в Системе.

Как правило, ритуалы братания совершают олдовые тусовщики, энергеты, для которых важно ощутить «обмен энергией» и духовную близость с другим человеком. «Вечные феньки» — покоцанные вены — по-видимому, внешнее проявление отношений в среде олдового слоя Системы: отношений глубоко личных, равных (горизонтальных), длительных, строящихся по принципу сети, где каждый связан с несколькими другими.

Итак, наблюдения циркуляции фенек (как разновидности Системных символов) подтверждают наши рассуждения о связи принципа истолкования символа с типом коммуникативной структуры, кодируемой им. Действительно, мы описывали феньки трех планов: просто обозначающие принадлежность к группировке, затем — норму Системы и, наконец, энергию или астральную связь. Первые, как мы видели, опосредуют безличные связи на периферии Системы («поле безличности»), вторые — лично-ситуативные отношения типичного пила («атомарная структура»), третьи — личные и достаточно длительные отношения энергетов («сеть» или «крут» *алды*). Таким образом, наблюдения циркуляции фенек согласуются с нашей реконструкцией отношений на разных уровнях иерархии Системы. Это уровни горизонтальные, связи в которых различаются степенью избирательности (безличные; личные, связанные с конкретным делом; духовные), а также длительностью и прочностью. От уровня к уровню сужается круг, но повышается качество связей (по параметрам избирательности и прочности).

Кроме трех перечисленных, существует еще один класс фенск, правила обращения с которыми соответствуют вертикальным отношениям типа «я» — лидер.

1.5. ДОРОГИЕ ФЕНЬКИ

Некоторые феньки никому не дарят, берегут и носят не снимая, потому что они подарены тем, «кто тебе дорог»: как правило, в известных мне случаях речь шла о подарках *олдовых*, мастеров игры, известных магов и энергетов. Эти феньки опосредуют отношения получателя с авторитетными людьми — хранителями традиций Системы, т. е. связи между различными слоями ее иерархии.

Среди фенск, показанных мне как самые дорогие, были и полученные от Сольми. Несколько раз я наблюдала, как он дарит феньку. Одному из гостей при расставании он в знак своего расположения подарил изображение улитки, вырезанное из бумаги: «Слабость непобедима, — объяснял он смысл своего подарка. — Улитка — самое сильное существо в мире. Она может провезти камень весом в два килограмма, а сама весит пять граммов... Не спеши, без нас не начнут — еще одна из моих концепций... Все мое ношу с собой. Улитка является автономным, независимым организмом... Где бы она ни была, она везде дома». Объясняя свой личный символ, Сольми излагает нормы поведения и ценности Системы, т. е. происходит передача программ поведения — акт управления.

Управляющее, или программирующее, воздействие символа осознается обычно олдовым дарителем, но не получателем. Для олдового передача фенечки — акт программирования: «Марк, — рассказывали мне, — дарил фенечку приятелю, специально ему предназначал. Так ему приходилось чуть ли не каждую неделю плести: тот только повесит, три дня носит — она рвется... Но Марк снова плетет. Зачем-то ему нужно было это. Ну, может быть, хотел свою программу передать, врубить в свою программу».

Подчеркивается, что такая фенька обычно предназначается определенному человеку, выражая комплекс команд, который даритель хочет передать именно ему. Это направленное управление поведением. Примечательно, что, согласно поверьям, личные фенечки передавать ни в коем случае нельзя: «Это, — как мне объясняли, — приведет к пагубным последствиям. Душевный разлад: человек (отдавший свою фенечку. — Т. Ш.) теряет равновесие душевное. И из-за этого всякие неурядицы». Поверья такого рода охраняют конкретный канал коммуникации, препятствуя переадресации отправленной по нему программы.

Человек не только получает программу, одновременно устанавливается связь между ним и дарителем. Связь эта вертикальная, по принципу «я» — лидер, когда команда спускается сверху вниз.

Фенечка — не просто овеществленная программа поведения, а маркированная вдобавок личной символикой лидера, от которого она получена. Сольми дарит улитку, иногда с добавлением символики, предназначенной конкретному человеку (например, использует цвета его гороскопа). Получая в подарок фенечку и принимая ее как свой личный символ, человек не просто усваивает определенный комплекс норм поведения, но и отождествляет его с личностью Сольми. Он стремится стать, как улитка, мягким и слабым — и ориентируется на Сольми, на Улитку Сольми. В этом смысле и можно говорить об установлении связи по типу «я» — лидер, где «я» ориентируется в своем поведении на лидера, а точнее, на создаваемый им символический образ. Очевидно двойное отождествление: посредством символа лидер идентифицирует себя с нормой сообщества:

Сольми = Улитка (культ слабости);

с другой стороны, получатель идентифицируется с той же нормой и соответственно с личностью лидера:

Получатель = Улитка (культ слабости).

Итак, связь, фиксируемая с помощью «дорогих» фенек, вертикальная, не на равных: «Если человек, которому служат, дает феньку, то слабый становится рядом с ним, как женщина с сильным мужчиной... Это как в церкви евхаристия: ты причащаешься, съедаешь просфору — это как бы тело Господне. И ты уже во власти церкви. Так и феньку тебе подарил кто-то, кто тебе дорог: как бы установилась между вами связь... И ты уже в его власти: эта фенька — она вас связывает». Так объяснял мне значение дарения феньки один из московских товарищей Сольми.

Практически вокруг каждого олдового человека в Системе группируется множество людей; еще больше хотя бы иногда с ним встречаются и получают феньки, тот же Сольми раздал их несчитанное количество. В этом множестве дарений проявляет себя ядерная структура — не всегда консолидировавшаяся как группа, чаще реализующаяся как звездообразная структура спонтанных коммуникаций слабо связанных между собой людей. В основе ее лежат вертикальные связи каждого в отдельности с лидером и очень слабые — между собой. Во многих случаях тусовщики, ориентирующиеся на одного *олда*, вообще не знакомы друг с другом. Каждый из них в отдельности видит не структуру «звезды», а свои личные отношения (или ситуативные контакты) с олдовым.

Правила обращения с «дорогими» феньками отражают длительность отношений с лидером. Феньку, полученную от «дорогого человека», нельзя передаривать (связь личная). Если она рвется, обыч-

но восстанавливают, как вещь ценную и очень значимую. Такие феньки чаще всего несъемные. В момент дара прочно завязывают и нередко обрывают концы феньки, так что она может только порваться, а снять ее уже нельзя. Итак, характер обращения с феньками отражает в данном случае характер связей в ядерной структуре: вертикальный, личный, прочный.

Как уже говорилось, ядерные структуры связывают два слоя Системы — ее элиту (*энергетов*) и периферию, поскольку образующееся в их среде поле безличности требует лидера, а сеть оловых способна его дать.

Вернемся к ситуации, когда Сольми дарит феньку кому-то из новичков Системы. Что она в этот момент обозначает? Казалось бы, ответ есть — норму Системы: это значение становится общим для дарителя и получателя. В то же время каждая из сторон считает еще дополнительные значения. Сольми осознает процедуру дарения феньки как получение энергии («энергетический вампиризм»), что очевидно его оловым друзьям: «Сольми обязательно феньку дает — как вампирчик выступает...» «Как вампирчик» — это апелляция к имевшим широкое распространение в то время представлениям о способностях магов, энергетов и им подобных *высасывать, пить, поедать* — потреблять чужую энергию. «Получение энергии» в данном контексте означает приобретение социальной поддержки в лице новых сторонников и последователей.

С другой стороны, берущий дар ищет отнюдь не команд или программ и вряд ли отдает себе отчет в том, что становится объектом управления. Он польщен вниманием известного человека, а полученная фенька становится знаком, что этот человек признал его «своим». Получение феньки от авторитетного человека рассматривается как знак признания своей принадлежности к Системе, т. е. для получателя актуально скорее значение «за символом — группа». За фенечкой он видит в первую очередь сообщество, признавшее его своим, и Сольми — как выразителя воли этого сообщества. Любопытно, что знакомство с Сольми (и полученные от него символические подарочки) реально способствует интеграции в Систему, открывая многие двери. Я разыскивала на тусовке какого-то пила, и тут, как говорят в Системе, «из недр моего бэга» выпала бумажная улиточка, которую мои собеседники сразу опознали. Разговор стал намного теплее — быстро нашли координаты нужного мне человека. Таким образом, для дарителя фенька — знак и носитель «энергетического» воздействия, для получателя — принадлежности к сообществу или отдельной конкретной группировке (в данном случае к окружению Сольми). Это означает, что лидер ядерной структуры принадлежит к узкому кругу *энергетов*, ее рядовые члены — к периферии Системы, где символы воспринимаются по принципу: «За символом — группа». Третье же значение символа — «нормы» — актуализируется в момент их взаимодействия,

когда «энергет» дарит феньку и объясняет ее значение, но не «энергетическое» (которое он хранит в тайне), а «нормативное», т. е. формулирует норму, призванную воздействовать на поведение адресата. Таким образом, «нормативная» интерпретация символических объектов опосредует отношения между элитой и периферией Системы, связывая их воедино в процессе осуществления управления.

Подведем итог нашим наблюдениям ритуализованных действий с феньками. Обнаруживаются заметные соответствия между их интерпретацией и моделью их циркуляции, т. е., по существу, структурой опосредуемых этими действиями межличностных связей. Это в целом согласуется с выдвинутой выше гипотезой социосемантических соответствий. Если эта гипотеза оправдается, это будет означать, что в самой интерпретации символа заложена структура коммуникаций, в которой он циркулирует и которую он способен порождать. Действительно, каждая интерпретация апеллирует к определенному типу моделирующих структур: моделирующей структурой может служить совокупность группировок (интерпретация «за символом — группа»), нормативная личность («за символом — норма») или «энергетический» миф (символ как воплощение «энергии»).

Соответствие между типом интерпретации и структурой использующего его сообщества означало бы также, что, зная актуальные в данной среде принципы интерпретации символики, возможно реконструировать структуру, а тем самым и вероятные способы функционирования составляющих эту среду группировок.

1.6. ТЕЛЕГИ И ТЕЛЕЖНИКИ

До сих пор мы рассматривали, главным образом, коммуникации в пределах трех горизонтальных слоев Системы: ее элиты, периферии и среднего слоя. Вертикальные коммуникации между слоями осуществляются двумя способами. Первый мы уже упоминали — ядерные структуры, связывающие элиту с периферией. Второй связан с деятельностью *тележников*. *Тележники* (от слова *телега*) — особая социальная роль в Системе: переносчики новостей и сплетен. Они осуществляют связь не только между слоями Системы, но и между различными группировками, например битломанами и металлистами, фанатами «Зенита» и последователями культа бога Шивы. Десс говорил о *тележниках*: «Есть такие в Системе люди, которые знают еще больше людей, чем все. Обычно ты знаешь так много, что уже и имен, даже Системных, не помнишь, даже лиц не помнишь... А есть, которые знают еще больше. Они приходят в любой дом, им открывают, говорят им — в пределах, до некоторого предела дают им информацию... И они дальше идут. Таких людей несколько. Они как связники. Вот так было, когда люберам противостояли: эти люди узнали (о приезде любителей, собирающихся бить ленинградский пипл. —

Т. Щ.), всех оповестили». Тележники переносят межгрупповую информацию, значимую для всей Системы: о *сейшинах*, новостях, местах и датах больших общих тусовок типа противостояния люберам или праздника Открытия Треугольника. Они же разносят сплетни, способствуя установлению Системных репутаций. Их статус основывается на владении информацией, а основное занятие — переносить ее: «Он приходит в Сайгон, видит любого знакомого и начинает ему *выкладывать телеги* — ну, просто сплетни. Про того, про другого: вечно кто-то его продинамил (обманул, не выполнил обещания. — Т. Щ.), и ему надо всем об этом сказать. То пристанет: как вычислить (найти. — Т. Щ.) такого-то, не знаешь? Вечно ему надо кого-то вычислить...» Статус *тележника* не очень высок, он не принадлежит ни к одной группировке по-настоящему. Внутригрупповая информация ему малодоступна: «С такими, — как мне объясняли, — говорят осторожно: через них информация может попасть куда не надо... Если я хочу пустить о себе телегу, то говорю такому, и уже знаю, что он это разнесет. Причем практически без изменений, потому что он всем будет говорить сам, одно и то же. Только что сам изменит — но это ты уже можешь предусмотреть, как он изменит». Через *тележников* обеспечивается, среди прочего, существование атомарной структуры, где люди сохраняют относительную автономию и не существует постоянных личных связей. Такая структура быстро бы распалась, она и держится на заочных связях. Здесь все знают друг друга по прозвищам и связанным с ними репутациям, которые держатся на слуху благодаря *тележникам*. Они осуществляют передачу информации также по принципу «звезды»: информация, брошенная на тусовке, доходит до *тележника* и затем от него растекается во всех направлениях. Только эта «звезда» принципиально отличается от ядерной структуры с постоянным лидером, рассмотренной нами выше, — у *тележника* связи горизонтальные, а не вертикальные; «звезда» не существует постоянно, поскольку у *тележника* нет личных связей с теми, кому он передает информацию (как это было у лидера ядерной группировки). *Тележники* выполняют в Системе две функции: во-первых, осуществляют вертикальные информационные взаимодействия между слоями, обеспечивая общесистемное единство коммуникаций; во-вторых, поддерживают существование атомарной структуры, укрепляя контакты между ее «атомами».

Итак, обряды с феньками зримо проявляют структуру коммуникаций в Системе. Во время этих обрядов феньки получают интерпретацию, и можно зафиксировать принцип, актуальный в данной ситуации. При этом съемные феньки, опосредующие безличные отношения на периферии Системы, интерпретируются как символы «группы» (принадлежности к сообществу); личные, отражающие автономию личности в атомарной структуре — как символы «норм» системы или отдельной тусовки. «Дорогие» феньки, подаренные авторитетны-

ми людьми, опосредуют отношения между элитой и периферией в рамках ядерных структур. Их интерпретация различается в зависимости от точки зрения. Даритель (обычно оловянный человек) имеет в виду «энергетическую» интерпретацию, т. е. для него фенька служит средством обретения энергии; получатель (обычно неофит или недавний тусовщик) — скорее «групповую», т. е. рассматривает ее как знак принадлежности к сообществу. В момент же дара актуализируется нормативная интерпретация (когда дающий комментирует значение феньки), связывающая их между собой. «Вечные» феньки — следы ритуалов «братания» — получают мифологическое объяснение, связанное с верованиями об «энергии», «астральных силах», «астральном братстве». Таким образом, в целом подтверждается смоделированная нами в предыдущих главах схема соответствий между принципом интерпретации символики и коммуникативной структурой, обслуживаемой и, вероятно, кодируемой ею.

2. Групповая динамика

Теперь мы можем представить динамические процессы, как на уровне отдельной личности (социализация, вхождение в Систему), так и сообщества (трансформации его структуры).

Социализация включает, во-первых, освоение символики — культурных кодов Системы, во-вторых, интеграцию в ее социальную среду. Первое можно описать как поэтапное освоение различных принципов интерпретации символов и тем самым — различных интерпретирующих множеств (пластов Системной традиции). Этапность ощущает и сам пипл. Сольми, например, так описывал собственную эволюцию восприятия «пацифика»: «Я вначале увидел, подумал, что это лапка голубя мира. Одно из толкований — три дороги, сходящиеся в одну. Это к миру (можно идти к миру различными путями). Это хороший знак: на это надеяться дает возможность то, что он выбран борцами за мир». Итак, вначале он видит только голубя мира — символ миротворческого движения (ключ «за символом — группа»). Далее открывается смысл «терпимости», плюрализма — т. е. прочитываются нормы и ценности Системной среды. Наконец, «это хороший знак» — в смысле хорошего влияния на энергетическое состояние человека (по его же объяснениям), т. е. применяется «энергетический» ключ. Этапы: за символом последовательно открывается группа, затем норма и, наконец, «энергия».

Другой человек говорит об этапах жизни в Системе: «Первый этап — „будьте как дети“. Второй — культура на фундаменте детскости (она становится «фундаментом» = нормой сообщества. — Т. Щ.). Третий — на эту культуру накладывается энергетика, которая идет на бла-

го человечества». На первом этапе актуализируется непринадлежность к миру взрослых (значение «антинормы»), далее — нормативное («культура»), затем энергетическое значение символики.

Фактически, оба моих собеседника описывают процесс своего вхождения в Систему как поэтапное освоение (смену) принципов интерпретации ее символики.

Те же этапы перекодирования (изменения принципа интерпретации) проходит и символика сообщества в целом на различных этапах его формирования. Она появляется как символика противостояния, ее прочитывают в терминах «антинормы». Именно в данном значении обособляющий признак впервые осознается как символ. Феньки в Системе возникли как альтернатива общепринятым дорогим и «шикарным» подаркам; облик хиппи, с нерасчесанными нестриженными волосами, в мешковатых одеждах без признаков пола, осознавался вначале как «протест против заостенелой респектабельности». Извне мы наблюдаем явления маргинализации очередной молодежной когорты и распространение в ее среде новой символики. Появляются панки, рисуют повсюду значок «Анархии», трактуя панк как «отказ» от всего, а «анархию» — как полную аномию: «Анархия — это вообще отсутствие всяких правил и норм». Около значка «Анархии» можно было часто видеть лозунг: «Здоровая злоба спасет мир!». Подобные протестные значения, напомним, могут существовать и вне сообщества — для демонстрации отказа от общепринятых ценностей коллектив не обязателен.

Однако маркированные общей символикой, первоначально одинокие панки (или хиппи) начинают ощущать давление со стороны социального окружения. Оно толкает их друг к другу, в среду «таких же», «своих», фактически формируя ее. Символы отторжения тем самым становятся основой консолидации и символами их общности, а следовательно, интерпретируются по принципу «за символом — группа, сообщество». Значок «анархия», все так же выцарапываемый на стенах, объясняют как символ панков или анархистов: «Анархия, анархисты — это такие ребята... Но вообще пишут из разных команд... Сейчас в Москве расплодилось анархистская тусовка — Бакунина читают...» (1987). Первичное же значение «противостояния» сохраняется, главным образом, в ситуациях столкновения с внешним миром, т. е. на границах формирующейся панковской среды. Осознание «панка» и «Анархии» как групповых символов дает мощный толчок консолидации множества звездообразных («ядерных») структур, склонных к экспансии, что внешне проявляется в столкновениях с представителями других сообществ, принимающими нередко форму массовых драк. Этот этап, пожалуй, наиболее заметен извне, хотя бы в милицеских сводках. Большая часть известных нам молодежных тусовок начиналась как скопление ядерных структур. На первых порах существования сообщество состоит фактически из неофитов, чье самосознание

сводится фактически к сознанию сопринадлежности к сообществу, реализуясь в межгрупповых столкновениях.

По мере кристаллизации групповых норм, формируется новое интерпретирующее множество (ценностно-нормативный комплекс), с которым соотносятся групповые символы: «Анархия, говорит мне Джокер в Москве, — это просто А. В круге — это значит, анархия, направленная внутрь». Речь идет уже о формировании собственной личности. В том же нормативном ключе начинают прочитываться и символы иных тусовок: длинные волосы хиппи интерпретируются как символ свободы и близости к природе, одежда — свободы и естественности и т. д. Нормы эти довольно близки, поскольку формируются на одних и тех же тусовках. Появляются панки, чей стиль поведения вполне согласуется с нормативным комплексом Системы. Панки учатся жить по собственным законам, и обнаруживается среда, разделяющая их (следовательно, не появляется необходимости отстаивания их силой). В Системе расширяется слой людей, строящих поведение в соответствии с этими нормами, т. е. формируется составляющий большинство средний слой. Периферия размывается, межгрупповые столкновения сходят на нет, поскольку самосознание строится не столько на базе принадлежности к той или иной группе, сколько на осознании общих норм поведения. Маргинальность большинства членов рассматриваемых сообществ ставит перед ними проблему статусного самоопределения, поиска или конструирования подходящей ячейки в социуме. Вероятно, этим объясняются особенности структуры маргинальных сообществ, достаточно долго существующих, чтобы эту проблему осознать: структура (в нашем случае, в Системе, атомарная) обеспечивает условия для максимально быстрого информационного обмена, интенсификации коммуникаций.

Система служит своего рода банком информации, позволяющей выпавшим из общества людям реадаптироваться. Атомарная структура выглядит внешне как множество мелких непостоянных групп, основанных на личном знакомстве, либо вообще не включенных ни в какую группу, но известных и «своих» на тусовке людей. Численность тусующихся в этот период ниже, чем во время ядерного всплеска, символика различных течений не разделена, а, наоборот, перемешивается (например, появляются панки-пацифисты).

Но по мере того как один за другим пипл находят свое место в обществе — кто-то играет в рок-группе, кто-то поступает в вуз, женится, становится художником, — они все больше отдаляются и в конце концов выходят из Системы. Происходит отпочкование групп, уже не входящих в Систему, а преследующих собственные цели. Как объяснял мне один старый тусовщик, «околосистемная публика формируется следующим образом. Мы все входим в тусовочную жизнь, и потом люди находят свой круг людей, которые соответствуют по каким-то принципам, — и эти люди могут договариваться по телефону,

встречаться на квартирах, на выставки ходить, выезжать... И получается чисто флэтовая тусовка. Сайгон (тусовка уличная. — Т. Ш.) уже для них теряет свою функцию. И постепенно они довольно далеко уходят от Системы. Хотя могут еще разделять ее идеи, думать как в Системе... Но уже отдельно. Второй путь: Система имеет много эстетических выходов. Писатели, например, музыканты. И у них тоже получают свои пути общения. Свои проблемы у них, они около Системы», — а затем и вообще вне ее. Так от Системы отпочковались ролевики, фанаты различных рок-групп, художественно-авангардистские объединения и многие другие.

Небольшими группами или поодиночке, но каждый в атомарной структуре занят своим делом и все больше отдаляется от тусовочной жизни. Процесс поиска собственного места индивидуален. Результатом его в случае успеха должно быть укоренение человека (или целой группы) в «большом» обществе, и по мере прохождения этого процесса тусовка рассеивается.

Система как социальный организм переходит в новое состояние. Средний (наиболее активный в поисковой деятельности) слой ее съезживается — пиццы находят себе место вне Системы. Периферия не пополняется, поскольку атомарная структура не занимается привлечением новых членов — это свойство ядерных структур. Постепенно численность Системы и отдельных группировок снижается, тусовка пустеет.

В конце концов остается узкий круг людей, кому было комфортно в рамках Системы. Они не занимались активно поисками выхода из Системы, как остальной пицц. Система и так давала им высокий статус, уровень самооценки и самореализации, престижные позиции лидеров. Они последними покидают (или не покидают вообще) тонущий корабль. Да и идти им, собственно, некуда: весь строй их личности и внутренняя мифология приспособлены к жизни в Системе. Неизбежно наступает момент, когда они остаются лидерами без паствы. Именно в такие периоды происходит консолидация *алды* — узкого круга хранителей Системной мифологии.

Пока Система действует активно, большая часть олдových энергетов занимает позиции лидеров в отдельных группировках. Между собой они связаны слабо, скорее, соперничают. В периоды же спада они, как уже говорилось, остаются без последователей.

Происходящее стимулирует их к поиску средств возобновления собственного статуса, а следовательно, восстановления среды, где он был, Системы или конкретного сообщества. И особенно дорого ценят все, что давало им вес и влияние — системную символику. Последний по времени период «съезживания» я наблюдала в 1990–1991 гг. Одинокие олдových волки в такие периоды ищут друг друга, собираются вместе, обсуждают дорогие для них темы «энергий» и «символа», обнаруживая, что понимают друг друга с полуслова, хотя говорят о ве-

щах непростых и большинству не открытых. Это очень сближает их между собой. В таких условиях кристаллизуется и вербализуется Системная мифология, по-настоящему складывается эзотерический язык (в значительной мере индивидуальный — ведь ранее каждый фиксировал личные находки, предпочитая держать их в тайне). Бывшие лидеры, оказавшись в среде таких же, охотно делятся своими находками, навыками, символическими средствами. Формируются длительные личные привязанности между олдowymi, что и ляжет в основу сетевой структуры.

Подобная фаза развития сообщества внешне выглядит как его исчезновение. Однако в действительности остается узкий круг хранителей его традиций и вырабатывается специальный эзотерический язык, предназначенный для сохранения кодов съезжившегося, кажется, до исчезновения сообщества. Поэтому мы называли такие группы хранителей «спорами традиции». Грибница то разрастается, то погибает, но споры остаются, и при благоприятных условиях они способны развернуться в новую грибницу. Так и хранители, пережив интерстадиал, могут дать начало новому циклу развития Системы.

Съезживание Системы до размеров фактически автономно существующего слоя олдowych — завершающий этап цикла самоорганизации. За ним следует повторение уже описанной последовательности событий, для чего необходим только приток новой молодежи, очередное расширение тусовки. Тогда пережившие спад, олдовые займут в новой среде позиции лидеров, поскольку владеют приемами манипуляций, управления, создания ядерных структур. Зерна традиции прорастут на новой почве: олдовые лидеры, напомним, не только управляют, но и обучают, передают традиции. Вслед за периодом ядерных структур снова явится атомарная тусовка, затем наступит период рассеяния и новые олдовые, оставшиеся от последней волны, пополнят круг хранителей.

Важно отметить, что после появления сети хранителей традиции сообщество может существовать и без продолжения давления границ, вызвавшего его к жизни. В самом начале ядерный всплеск порождался именно сгущением контактов под действием внешнего давления. Теперь же это не обязательно: олдовые хранители представляют собой ядра консолидации, необходимые для возобновления численности сообщества и образования ядерных групп. Далее цикл пойдет в той же последовательности: ядерный всплеск (многочисленные группировки, драки) — период тусовок (когда складываются и действуют внутренние нормы) — зерна традиции — снова ядерный всплеск и т. д. Первая стадия — отграничение — может быть отброшена, служа только толчком к образованию сообщества.

С каждым из этапов этого цикла связано доминирование того или иного способа интерпретации символики сообщества: от прочте-

ния ее как символики «отторжения» и «группы» к нормативному и эзотерическому (мистическому). Подобную цепь трансформаций претерпевает символика практически любого из наблюдаемых сообществ. Трансформируется даже мировоззрение сатанистов. Вначале образ сатаны получает в молодежной культуре распространение именно как образ противостояния общепринятым ценностям христианства. Отдельные сатанистские группы возникали и в России, символика была популярна в среде металлистов. Некоторые из этих групп со временем ассимилировались Системой, и их символика получала иное толкование: «Многие сатанисты, — говорил мне *волосатый тип*, общавшийся с ними, — считают, что сатана более прогрессивен, чем христианский Бог. Он истинный благодетель людей, а не Бог. Потому что сатана противопоставляется всем этим религиям — и всем он представляется черным. Его очернили в глазах людей. А он един, а их (богов) много; они же энергетические кормушки: различные религии разделяют людей и пожирают их энергию. И они все против Сатаны». В Системе образ сатаны приобретает значение, едва ли не противоположное первоначальному, становясь символом единения людей, освобождения от власти институциональных религиозных структур, т. е. интерпретируется в русле обычных для Системы ценностей духовной свободы. Существующие длительное время сообщества перекодируют символику противостояния и вместе с тем теряют агрессивность.

Таким образом, в рамках нашей гипотезы относительно соответствий между интерпретациями символики и структурой группы можно описать динамические процессы. Изменения групповой структуры порождают новые интерпретирующие множества, принципы истолкования символов, что стабилизирует новую структуру и дает импульс ее дальнейшему развитию. Новое изменение структуры стимулирует перекодирование символики и т. д. Взаимодействие знакового и социального уровней поддерживает процессы самоорганизации сообщества, пока его структура не примет законченный трехслойный вид.

3. Триада и самовоспроизводство

Пришло время задаться вопросом, с чем связана трехслойность социальной структуры и тройственность интерпретирующих множеств. Повторим, что имеем в виду только внутреннюю структуру сообщества, поэтому четвертое множество («антинорма») и кодируемая им структура (граница) вынесены за скобки изучения.

Трехслойность социальной организации обнаруживается в самых различных сообществах, где есть хотя бы зачатки иерархии. Это позволяет вывести некие универсальные закономерности самоорганизации. Л. Самойлов наблюдал ее в исправительно-трудовом лагере среди заключенных: низший слой там — опущенные (*чушки*), средний слой — *мужики*, элита — *воры*⁴.

Дж. Тримингэм находит похожее в иерархии суфийского ордена: его периферию составляют «мирские» члены, остающиеся жить в деревне и продолжающие вести хозяйство; основную часть — «давшие обет» (дервиши, факиры); элиту — шейхи, наставники, руководители общин⁵. Ф. Ницше вообще полагает, что трехслойная организация общества универсальна: «Во всяком здоровом обществе, — пишет он, анализируя законы Ману, — различаются и обуславливают друг друга три типа с различными в физиологическом смысле тяготениями центров тяжести — у каждого своя гигиена, своя сфера труда, свое особое мастерство и чувство совершенства. Не Ману, а природа разделяет людей духовных по преимуществу, людей по преимуществу мышечных, с сильным темпераментом и, наконец, третьих, не выдающихся ни в одном, ни в другом, посредственных. Третьи — большое число, а первые и вторые — элита»⁶. Законы Ману описывают кастовое общество, чрезвычайно широко распространенное в прошлом. Сколько бы ни было разнообразных каст, они группируются по трем классам, или, в древнеиндийской терминологии, гунам: саттва-гуна (гуна добродетели), раджа-гуна (страсти) и тама-гуна (невежества).

Итак, речь идет о весьма распространенном свойстве социальных структур — трехслойной организации, а Система — один из ее примеров.

Чем же обусловлен подобный набор структур в самых различных сообществах и, следовательно, соответствующий набор ключей к символике (или картин мира)? Чтобы ответить, необходимо проанализировать функциональную роль каждой из структур, поскольку, по видимому, существует определенный набор функций, которые сообщество должно выполнять для своего существования и воспроизводства. Соответственно, должны быть и структуры, ответственные за эти функции.

Действительно, гуны — это функциональные классы. В лагере то же: *воры* — хранители традиций; *мужики* трудятся; *чушки* обслуживают воров. Очевидно, ролевое разделение связано с функциональным. Следовательно, если мы хотим узнать универсальную структуру, то должны определить универсальный набор функций, а также структуру, ответственную за каждую из них.

Рассматривая этнос как сеть коммуникаций, С. А. Арутюнов различает два типа информационных связей: «Помимо... информации в синхронном плане (или, употребляя термин графического выражения, в горизонтальном плане), существует еще информация в диа-

хронном (вертикальном) плане. Это вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение в словесной (устной или письменно-литературной), а также в материально-изобразительной форме. Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обусловлена его преемственность и стабильность во времени, передача этнической традиции в течение веков⁷. Итак, два вида связей — синхронные и диахронные — составляют коммуникативную систему этноса; это относится к любому самовоспроизводящемуся сообществу. Под синхронными связями понимается система информационных обменов вне и внутри социального образования, причем их плотность возрастает в рамках сообщества. Существует и третий компонент коммуникативной системы — граница сообщества: это зона разрежения связей, отмечающая перепад в плотности контактов, позволяющий говорить об отдельном сообществе. А. П. Козэн считал границы системообразующим элементом социальной структуры⁸.

Соответственно, можно говорить о трех функциях символа: функции отграничения (когда он прочитывается в смысле «антинормы», вызывая реакцию отторжения), синхронизации со средой (через актуализацию норм сообщества) и диахронии передачи информации. Последнюю функцию выполняют символы тусовок, прочитываемые как культурные образцы, а также консолидирующиеся вокруг символов или символических фигур ядерные (звздообразные) структуры, обеспечивающие перетекание информации от олдového слоя в среду неофитов.

Таким образом, число и набор интерпретирующих множеств, зафиксированных нами, трудно считать случайным. Есть основание связывать его с ограниченностью набора коммуникативных функций, обеспечивающих целостность и самовоспроизводство сообщества.

Примечания

¹ fido7.hippy.talks, 1999 г.

² Там же.

³ Там же. Приведу текст о цветовой символике фенек, присланный в эхо-конференцию человеком по имени Commander Хэлл в 1999 г.: «Сам я не спешу устанавливать истину. Я просто собрал значения, принятые на разных тусовках, а право выбора предоставляю плетущим. Сначала — о значении отдельных цветов. Белый и синий — в большинстве случаев близнецы-братья. Да и значения у них родственные, а в некоторых случаях и одинаковые для всех оттенков от прозрачного до темно-синего. А все потому, что такими цветами окрашено небо. Белый — чистота, свобода и стремление к Богу. Голубой — надежда и покой. Синий — небо, бесконечность, покой».

ствие, чистота, непорочность. Ну а бело-голубая фенечка — это *Lusy In The Sky With Diamonds*, символ группы *The Beatles* или их фаната. В магии фиолетовая аура означает ясность мысли, а в фенечках фиолетовый — цвет мистики и магии, как, впрочем, и черный. Кроме того, черный может обозначать еще бесстрашие или смерть. Фенечку из одной черной нитки бисера обычно делают в знак траура и носят, не снимая, пока не порвется. И никогда никому не дарят. Если фенечка плетется из ниток, то, кроме значений для бисера, белый цвет может интерпретироваться как начало, а фиолетовый — как мудрость. Вот по отношению к красному цвету разночтений меньше. Обычно это любовь, но для нитяных фенечек цвет может означать и радость. Зеленый цвет — это вера или жизнь. Желтому не повезло больше всего. Древнехиттуповское значение — тоска, печаль, сейчас используется только для интерпретации сочетаний, а общепринятым стало *CRAZY*. На некоторых тусовках желтый цвет и вовсе стал означать золото или деньги. Для нитяных фенечек это еще и цвет Солнца. Оранжевый — это что-то среднее между желтым и красным, а потому может принимать и „желтые“ и „красные“ значения. Но оранжевый или коричневый цвета — это еще и травка. Сочетания цветов иногда кроме простой суммы смысла несут и собственные значения. Перечислять их можно довольно долго, и многие из сочетаний можно осмыслить самостоятельно, поэтому ограничусь наиболее распространенными. Красно-черно-белая или красно-черная фенечки — это символ анархии. Кроме того, красно-черное может означать еще смертельную любовь или смерть ради любви. А еще — знак фанатов „Агаты Кристи“. Красно-белая фенечка — символ свободной любви. Бело-зеленая означает белую магию или веру в Бога. Также белая магия присутствует в бело-фиолетовой фенечке. А вот красно-бело-зеленая — это гиперсексуальность (видимо, здесь перевешивает второе значение зеленого цвета). Черная магия покровительствует черно-фиолетовой и черно-желто-коричневой фенечкам. А вот черно-желтая означает самоубийство. Считается, что если надеть черно-желтые цвета, мысли о собственной смерти приходят сами собой (тут сохранился первоначальный цвет желтого). Желто-зелено-коричневая или оранжево-коричневая фенечки говорят о пристрастии носящего их к легким наркотикам, а черно-зеленая — к сильнодействующим и разрушающим психику. А вот желто-зелено-красная — это растафари. Черно-белая фенечка сначала означала одиночество. Потом добавилась гордость, после клипа „*Black & White*“ их стали носить фанаты Майкла Джексона, а потом — и фаны „*Nirvana*“. Если у джексоновской фенечки черного и белого цветов поровну, то у нирвановцев преобладает черный. Ну а самое последнее значение — черно-серебристый — цвета Темных из Черной Книги Арды. Фанаты БГ делают желто-голубые или бело-желто-голубые фенечки. („Под небом голубым есть город золотой“). А вот значение красно-желтой фенечки я до сих пор не могу понять, хоть сам сделал и подарил две таких. Они и веселые, и грустные, и сумасшедшие, и теплые. Станные, в общем. Если определять по цветам — это может быть и сумасшедшая любовь, и тоска об ушедшей радости, и даже пиво с портвейном.

Любое сочетание множества ярких цветов (например, зеленый, розовый, синий и желтый) при наличии узора — психodelия. Без узора — опять-таки CRAZY. Ну а насчет того, что носят сатанисты и секс-меньшинства — ничего сказать не могу. Как-то они, конечно, определяют своих. Но скорее всего — не по фенечкам. Ведь фенечка — это что-то светлое и доброе. По крайней мере, я на это надеюсь*.

⁴Самойлов Л. Путешествие в перевернутый мир // Нева. 1989. № 4. С. 150–164.

⁵Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989. С. 146.

⁶Ницше Ф. Антихристианин: Опыт критики христианства // Сумерки богов: Сб. М., 1989. С. 17–93.

⁷Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989. С. 13–17.

⁸Cohen A. P. The Symbolic Construction of Community. London; New York, 1985.